

ГОСПОДИ, да что это за жизнь у нас такая? В "Чаре" обманывают, в театре обманывают!" — патетически вскричала моя подруга, развернувшись лицом к залу: в Театре сатиры только что закончилась премьера пьесы Эдварда Радзинского "Поле битвы после победы принадлежит мародерам". Крикнула стогоряча, но попала в самую точку. Если искать аналог "Чаре" и прочим подобным в нашей духовной жизни, то аккурат получится упомянутый драматург образца 1995 года.

ГЕНЕЗИС г-на Радзинского — не такая уж сложная философская категория. Начиная с шестидесятых трогательными лирическими пьесами, которые пользовались большим успехом. В его драматургии "имели место" даже намеки. Мучеником режима он, к счастью, не стал, но все же получил репутацию вроде бы как гонимого, и это тоже к счастью, ибо на Руси, дело известное, привлекают гонимых. Однако наш драматург не только лирик, но и дипломированный историк. А им, по слухам, присуще историческое мышление. Одарен оным и Э.Р. Как раз в той степени, которая необходима для поисков алмазов-аллюзий в каменных пещерах прошлого. В заглавии его пьес засверкали знаковые имена Лунина, Сократа, Нерона, Дон Жуана... Да, спектакли были кассовыми, но драматург еще хранил осанку благородства, то есть принадлежности к Искусству.

Все это счастливо совпало с бурной издательской деятельностью по закрашиванию белых пятен отечественной истории. Герои Радзинского — княжна Тараканова под ручку с Моцартом, Сократом, Сенеккой, Луниным, Сталиным, всех не упомнишь — стали кочевать из одного сборника в другой. В многотиражном тумане лица их уже едва различимы. Шутка сказать, при самом скромном подсчете (с библиографией нынче тоже беда; как тонко заметил персонаж новой пьесы Радзинского, речь о которой впереди, до чего довели страну, сволочи) выходило по нескольку книг в год. Одни и те же вещи назывались автором то пьесами, то повестями в диалогах, то торопливой прозой.

Дальше — больше. В Э.Р. вселяется бес монархизма. Реабилитация невинно убиенного Николая II становится делом жизни Э.Р. Попутно выясняется, что борьба за права усопших особ царского рода приносит неплохие дивиденды, куда там защитить живых особ рода не царского. Издательство ВАГРИУС широко распаивает для Э.Р. двери. Здесь выходит книга "Господи... спаси и умири Россию". Николай II: жизнь и смерть". А вскоре антанта подарила нам еще один увесистый том — "Властители дум", где мы не без некоторого удивления встретились с уже хорошо известной компанией княжны Таракановой. Увы, увы, невозможно не согласиться с рецензентом газеты "Сегодня": "сидя за бутылкой, братья Орловы, вместо того чтобы баб обсуждать, изменившись от фальши голосами пересказывают друг другу параграфы пособия по истории СССР для ПТУ".

Пожоже, Э.Р. внял-таки совету поэта загнать клячу истории. Но пожалеем хоть мы эту клячу, она уже вся в мыле. Или, говоря современно-иносказательно, в мыльных операх. Ох, кто же коня на скаку остановит? Да, есть женщины в русских селеньях. Однако в сельце Останкине не видать ни женщин, ни мужчин, способных сдерживать набег Э.Р.

ВПРОЧЕМ, обо всем по порядку — будем, по завету Жванецкого, преодолевать трудности по мере их поступления. Каждую неделю по два, а то и по три раза в лучшее эфирное время на первом телеканале с неизбежностью захода солнца появляется Э.Р. со своим мыльным сериалом. Правда, с меня было довольно

первых двух передач из цикла "Загадки истории. Провокаторы в России". Тема серьезная, сюжеты трагические, персонажи, меняющие маски, сквозные. Что же мы видим? А видим мы Э.Р. в домашнем трафаретно-антикварно-дворянском интерьере, совершенно не соответствующем "музыке" времени, о котором автор рассказывает. Даже не то чтобы рассказывает, а вещает голосом отличника, наперед знающего, что "пятерка" ему обеспечена, и потому время от времени посылающего нам с экрана загадочную улыбку. Впрочем, весьма возможно, что эта улыбка как бы приглашает нас разделить с драматургом его пронищательные умозаключения.

Все указанное выше не имело бы решающего значения, хотя и свидетельствовало бы о вкусе писателя, если бы не содержание "загадок". В том-то вся и штука, что загадки от Радзинского давным-давно разгаданы едва ли не артелью историков, беллетристов, архивистов. Э.Р., не упомянув ни об одном из них, что случается, впрочем, не только с Э.Р., просто-напросто олустишил короб информации, которую и пронзил историософской мыслью о глобальной роли в истории России тайной полиции. Наблюдение, прямо скажем, не блестящее новизною, да к тому же очень точно и в сравнении с культурой России сделанное еще В.Набоковым в "Других берегах". И об этом тоже умолчал Э.Р., хотя, видит Бог, начитан, очень начитан. Да вот беда какая — нет ни одного персонажа, психологию которого сумел бы представить нам драматург-прозаик. Решительно ни одного. А может, и в этом отсутствии всякого присутствия тонкий расчет: кому она, психология-то, нынче нужна, неходовой товар, братья-сестры.

Вот, скажем, какое совковое колечко выкинул наш дипломированный историк, упоминая о том, как завербовал жандармский офицер Судейкин Сергея Дегаева: последний-де попался на аморалке — посещал бордель, а шпики выследили и запечатлели на пленку. И это — более столетия тому назад! Не говоря уж о том, что посещение борделей штабе-капитанами не считалось столь опасным, чтобы тотчас стать агентом тайной полиции...

Так что отгадчика Тайн Истории придется разочаровать. Подобно тому, как в одном его произведении "Нерон бесстыден ласкал Венеру", сам Э.Р., выступая по ТВ, бесстыдно ласкает Клио.

Разгадав провокаторов, Э.Р. принялся за "Загадки любви". Включила телевизор, но, услышав о том, что Цветаева всю жизнь была беременна любовью (речь в передаче шла о ее взаимоотношениях с Юрием Завадским), тут же нажала на кнопку пульта. Баста, довольно. Пусть услужливая телепрограмма продолжает общаться о новых загадках Радзинского — Моцарт, Казанова, Нерон, целый галантный век, кто там еще из властителей дум остался неохваченным? — а меня увольте. Нет, ей-Богу, каков Кирджали?

ВПРОЧЕМ, я могла бы, вероятно, отдать на откуп Радзинскому амурную сферу. В "Останкине" сейчас и не такие чудеса творятся! Но вот история России... Прошу прощения за патетику, но о ней нельзя говорить равнодушно, с усердием народного артиста СССР, но без пастернаковской "тайной струны страдания". Слишком все близко, кроваво, повторяемо, слишком многих гноили в тюрьмах и лагерях за эту самую историю, слишком дорого она давалась тем, кто годами кор-

пел в архивах, чтобы теперь сидел в телевизоре самодовольный господин в лиловатом пиджаке и опоял все то, что принадлежит не ему... Впрочем, как знать! Нынче на дворе, как было сказано, начался новый этап приватизации, платный. Коснется он, несомненно, и духовной жизни. На этом этапе, видимо, Э.Р. чувствует себя вольготно.

Так, не без апломба, окрашенного чувством, автор с легкостью необыкновенной переиницирует пушкинское "Боже, как грустна наша Россия!" на "Как печальна наша Россия". Полагаю, оговорка

НО ВЕРНЕМСЯ к спектаклю Театра сатиры. Еще задолго до премьеры в прессе стали подогреваться страсти. Писали о натуральных джихах и самолетах, приземляющихся прямо на сцене (кое-кто узрел даже бронетранспортер), о не менее натуральных Л.Гурченко и А.Ширвиндте, о невероятно мелком драматургическом замысле. И его режиссерском воплощении. В общем, планировался несомненный гвоздь сезона.

Сам Э.Р. накануне премьеры был строг и скромен. В одном из интервью он сказал: "Когда пьеса появилась в первый

раза и называлась "Спортивные игры 1981 года" (тогда ее сыграли в Ермоловском театре), она была разоблачительна и социальна. Эта пьеса стала первым актом новой, а два других я дописал. Получилась история про мужчину и женщину тире любовь и ненависть". Хотела было удивиться странности авторского замысла, так не странен кто ж? Кто увлекается римейками, кто пишет продолжение "Унесенных ветром", "Войны и мира", а кто желает сделать из себя римейк и себя же, единственного, продолжить. Имеет право. И вот премьера. Чувства, которые я испытала, лучше всего выразил... Марк Твен (ну, и, разумеется, моя подруга — "чаристка"). Помните пассаж из приключений Гека Финна, глава "Все короли дрянн"? Король выбежал из-за кулис совсем голый. Герцог опустил занавес... Человек двадцать закричали: "Разве это все?" Зрители подняли крик: "Надули!" Начался скандал, запахло дракой. Но затем общественность передумала бить морду самозваным лицедеям и мудро решила: будем хвалить спектакль, пусть и другие окажутся в нашем дурацком положении...

Потому что, более или менее благосклонно, хоть и непременно прибрегая к эвфемизмам, писавшие о спектакле, придерживались именно такой тактики. Это единственное объяснение их благосклонности. Но я не кровожадна, поэтому честно делюсь своими впечатлениями. Самым сильным "ощущем" (любимое словечко Михалевой — Гурченко) первого действия было появление на сцене бордо-

вого джиха, бордового Ширвиндта и алой Гурченко. Сцены 1981 года, как утверждают очевидцы, разыгрывались строго по оригиналу. Это их и погубило. Авторы спектакля и не заметили, как попали в некий временной зазор. Чисто внешние приметы — "новорусские", сегодняшние, а текст Э.Р., увы, не из каталогной вечности. Потому и безнадежно устарел. Фишки типа "папа-дипломат", "Березка", "фирменное тряпье" не работают десятилетие с лишним спустя. Молодые люди, посещавшие тогда начальные классы средней школы, не понимают, собственно, о чем речь. Что им позавчерашние фишки в кармане? И что они этим же фишгам? История же любви и ненависти, которую пытаются педалировать авторы и исполнители, ну никак не возникает, она захлебывается, тонет в запоздалой социальности и, будем уж откровенны до конца, весьма слабой драматургии. И тут даже Ширвиндт с анекдотами и хохмами тоже второй свежести не спасает. При желании, правда, можно в лупу разглядеть удачные мизансцены, при особо повышенной доброжелательности — и режиссерские находки (А.Житинкин) и экстравагантную сценографию (А.Шаров). Но даже все это при случайном обнаружении не заслонит скуловоротной скуки: ну зачем нам это все сейчас? Однако зритель наш, как известно, самый лучший в мире. Ему ведь обещали нечто сверхъестественное, он и надеется, верит. А пока, подавляя зевоту, награждает своих любимцев аплодисментами. Впрочем, он бы их и так награждал, даже если бы они читали драматургические незатейливые телефонный справочник. И ждет зритель не дожидается второго действия...

ВТОРОЙ акт вкупе с третьим должен был явить "Спортивные сцены 1991 года" и "Спортивные сцены 2001 года". Сам его замысел откровенно заимствован из мыльных сериалов. Только здесь бегло пересказывают содержание не предыдущих, а последующих серий. Называется это пророчеством. Главное достоинство второго действия — в его сверхкраткости. Мне показалось, что идет оно минут двадцать. Пророчества 2001 года выдержаны в худших традициях отечественных клипов — пошло, броско, банально, убого. Не нужно быть ни Оруэллом, ни Кабаковым, ни даже Радзинским, чтобы вообразить следующее. От России остается одна Москва, в Большее заседают нелегитимный парламент, лианозовская мафия сражается с кунцевской. Бывший казгэбэшник Михалев (Ширвиндт) становится сиятельным графом и президентом, его выжившая из ума бывшая жена (Гурченко) — владелица казино, проститутка Катя (Е.Яковлева) и наркоман Сережа (М.Дорожкин) — хозяевами жизни.

А где же обещанная голая задница короля? Может забеспокоиться читатель. Да вот и она, извольте видеть. Из серебристого дирижабля выходит не менее серебристая Гурченко и, выдержав паузу, конфиденциально сообщает залу: "Ну и мудаки мы все". Занавес. Оглушенная публика смущенно аплодирует. Мой сосед, рыская глазами в поисках автора, рычит: "Сам такой!" Похлопали, потоптались, опасливо поглядывая на сцену — а вдруг там еще чего покажут или скажут? — и двинулись в гардероб.

Придя в себя, не сразу, не сразу, ближе к ночи, я подумала: ба, да ведь Радзинский нацупал еще одну золотую жилу.

Берешь и расписываешь спортивные сцены, так сказать, впрок, вплоть до начала третьего тысячелетия. Меняются декорации, временные фишки, общий антураж, но всегда в этом акте будет звучать единственная фраза. Актуальность гарантируется.

Нельзя, дамы и господа, интеллигентны и нувориши, нельзя, понимаете ли, не признать, что Э.Р. нашел наконец ключевую формулу исторического материализма, а заодно, скрывая диавольскую ухмылку, объяснил нам загадку своего личного, индивидуального успеха. Как тут не перефразировать классическую фразу классического репертуара: шире дорогу — кич идет! И как тут не уронить искреннюю слезу: почто прекрасных актеров Ширвиндта и Гурченко кичем пытаются?! Впрочем, они изо всех сил стараются играть в обход текста. И тогда из-под маски усталого циника выглядывает Ширвиндт, человек тонкой душевной организации, а Людмила Гурченко, давно не игравшая на театре, блистательно напоминает нам не только о себе, но и о своих актерских достижениях прошлых лет. Ведь как ей, бедняжке, приходится тяжело — торчать на сцене два акта в немилых вечерних туалетах и даже якобы по траве в них бегать. (Вот эту режиссерскую часть сверхзадачи я, каюсь, не поняла.) Довольно успешно старается не отставать от старшего поколения и юный Михаил Дорожкин, чья роль в пьесе даже пунктиром толком не намечена. Что же до Михаила Державина, тоже занятого в спектакле, то он из рук вон плохо играет американского проповедника с заокеанской фамилией Цукерман. Впрочем, сама его роль, тем не менее, любопытна в чисто функциональном плане. Неожиданно среди пресноватой эстрадной репризы Державин встает на котурны и начинает читать проповедь. Самую настоящую, знамо, о покаянии, с грозными пророчествами в случае неисполнения. Тоже голосом отличника и народного артиста СССР. Чуете, куда ветер дует? Сдается, скоро мы услышим телепередачу Э.Р. на тему покаяния и его роли в истории...

СЛОВНО нож в масло вошел Э.Р. в рыночные отношения, и сему обстоятельству можно было бы только радоваться. Большинство постсоветских писателей это не удалось. Повторяю, энергии Э.Р. можно было бы и порадоваться, если бы... Известно, что честная коммерция предполагает соответствие этикетки и товара. Кич и его мыльные оперы тоже требуют знака качества. В случае с нашим драматургом этого, к сожалению, не наблюдается.

Эстеты кича могут возразить: вы забываете, писателя следует всегда судить по законам, им самим придуманным. Знаю, слышали, проходили. Только вот не понимаю, какие такие законы придумал нынче для себя г-н Радзинский? Он, прежде так остро чувствующий время, похоронившись с головой в историю, уже плохо "сечет" современность. Ведь "новые русские", для которых, полагаю, он и поставил в первую очередь свой спектакль, успели сменить лифтовые пиджаки на строгие черные костюмы, того гляди и в театре скоро поманеньку начнут разбираться. Так что не спи, не спи, художник...

Тут бы я поставила точку, кабы не аллюр взмыленного всадника. В журнале "Столица" Радзинский информировал если не мир, то город, что в этом городе пропадает большой актер Э.Р., он наверняка был бы лучшим Тригориным в мире. Теперь, стало быть, нам остается только ждать, когда Э.Р., нарядившись Тригориным, выбежит из-за кулис...

Господи, как и печальна, и грустна наша Россия!

С. ТАРОЩИНА

Радзинский

на "поле битвы"

В начале весны известный драматург предпринял массированную атаку на зрителей, читателей, слушателей...

не случайна. Некоторые словесные изменения в известных фразах позволяют Радзинскому выдать за свою мысль. Захотел — и переинициал высказывания Николая II, и так, в переинициальном виде и озаглавил свой бестселлер. Государь просил Всевышнего не усмирить, а умирить Россию. То есть испослать стране тишину и покой — именно так и записано в его дневнике 17 октября 1905 г., хранящемся в Государственном архиве РФ. Почувствуйте разницу. Глагол же "усмирить" возвращает нас к Николаю по прозвищу Кровавый, которого мы так хорошо знаем по тем же учебным пособиям для ПТУ. Снова могут сказать: описка, обмолвка. Не многовато ли их? А если даже и так, то все равно обнаруживается у Э.Р. отсутствие подлинного проникновения в суть и сущность последнего императора.

Но если так свободно обращается Э.Р. с историческими источниками, то что говорить о критике-марксисте Вацлаве Воровском? Перефразировал его известную цитату "Ночь после битвы принадлежит мародерам", и получилось название модного шлягера — "Поле битвы после победы принадлежит мародерам". Argros. Почему это видные театральные деятели так не любят русский язык? То В.Вульф называет свой перевод пьесы Т.Уильямса "Молочный фургон" не останавливается больше здесь", то Радзинский озаглавит пьесу так, что из-за сплошных инверсий не сразу поймешь, что кому принадлежит. Не театр, а анекдот. "Я Шуйского не вижу между здесь..."